

Семейные Истории

Елена ГЛЕБОВА,
учитель информатики,
школа «Надежда», Москва

Меня зовут Елена Германовна

Уважаемые друзья! Мы продолжаем публиковать семейные истории — о ваших родных и близких людях, о том, что будет рассказано, передано внукам и правнукам — о бабушках и дедушках, прабабушках и прадедушках. Давайте оставим своим потомкам дневниковые записи, семейные предания, памятные вещи: фату мамы, папину школьную тетрадку, стихи, которые писал к семейным датам дедушка, и, может быть, что-нибудь другое, интересное и нужное нам не как материальная ценность, а как память семьи, своего дома, своего рода.

В традиции нашего народа полное имя складывается из собственного имени и имени отца: Ивановна — дочь Ивана, Федоровна — дочь Федора. Меня зовут Елена Германовна. Мои ученики обращаются ко мне по имени-отчеству, близкие друзья и коллеги иногда называют Германовна. И мне это очень приятно, потому что каждый раз я слышу, что я дочь Германа.

Я хочу рассказать о своем папе, потому что знаю, такого папы, как у меня, нет ни у кого. Мне было года 3, когда я заболела двухсторонним воспалением легких и лежала в больнице. Состояние было тяжелым, но родители надеялись, что я скоро поправлюсь. Приближался Но-

вый год, родители ждали моего возвращения домой, нарядили елку, положили подарки, но меня не выписали. Прошли праздники, а я все болела, пора было разряжать елку. Папа сказал:

— А вдруг Лену выпишут через неделю, а елки нет. Давай подождем, пусть у ребенка будет праздник.

— Но елка уже осыпается.

— Ничего, я что-нибудь придумаю.

Папа нашел рецепт раствора, которым надо было поливать елку, чтобы она не осыпалась. Неделя сменялась неделей, кончилась зима, а я все болела. Только в апреле меня выписали из больницы очень слабенькой. Дома меня ждал новогодний подарок под елкой, на которой

появились новенькие молоденькие иглочки.

Когда мы с братом пошли в школу, папа с мамой держали совет: «Что с нами делать? Кто присмотрит за детьми?» И в нашей семье было принято неординарное решение часто стоящей перед всеми родителями проблемы. Мама осталась работать на обувной фабрике, а папа перешел работать в ЖЭК инструктором. Сегодня многие даже не знают, что эта за работа. Инструктор должен был организовать досуг детей и их родителей, устраивать праздники, работать с трудными подростками, проводить культурно-массовые мероприятия для молодежи, чтобы отвлечь их от влияния улицы. ЖЭК, в котором ра-

Герман
и Елена Германовна

ботал папа, стал для нас вторым домом. Как только заканчивались уроки, мы с братом бежали в ЖЭК. Там было весело и очень интересно.

Папа организовал очень много кружков и секций, и почти все он вел сам, потому что умел делать все. Выпиливать из фанеры люстры, полочки, делать деревянные игрушки. Он учил ребят собирать модели танков, самолетов, солдатиков. В авиа- и судомодельном кружках мальчишки под руководством папы делали корабли, подводные лодки, клеили планеры, конструировали самолетки на моторе, а потом запускали их в небо. Особой папиной гордостью были футбольные и хоккейные дворовые команды, которые он тренировал. Папа достал для хоккейной команды настоящую форму: щитки, шлемы, наколенники, новые клюшки. А потом всю ночь вырезал трафареты, рисовал на футболках имя команды «Стрела». Каждую

клюшку обмотал стекловолокном, чтобы они были более прочными и служили долго. Папа понимал, что такое для мальчишки настоящая хоккейная форма, сколько будет радости, возгласов «Ура!» и, конечно, счастья! Сегодня трудно поверить в то, что простые дворовые команды занимали призовые места в соревнованиях на приз «Золотая шайба» и «Кожаный мяч». В 70-е годы в стране появлялись первые ВИА, и у нас в ЖЭКе папа, понимая молодежь, собрал аж два ансамбля. В то время, чтобы разрешили проведение вечера, надо было утвердить культурную программу, просто дергаться под музыку было нельзя. Папа и здесь хорошо понимал молодежь, поэтому выходил на сцену и заполнял перерывы чтением юмористических рассказов, стихов, нравоучительных басен.

С одной стороны, мне нравилась папина работа, а с другой — она была какой-то несерьезной, да и папа был тоже несерьезный, какой-то несолидный. Он бегал с мальчишками по футбольному полю, играл в хоккей, наряжался Дедом Морозом, с молодежью прыгал на дискотеке. У всех моих друзей папы были совсем другими — серьезными — и занимались серьезной работой. У Оли папа — инженер, у Марины — конструктор, у Саши — геолог. Они были представительные, носили галстуки, вели неспешные разговоры, были строги и нравоучительны с детьми, и звали их все по имени и отчеству.

Зарплата инструктора была очень маленькой, поэтому папа подрабатывал зимой тем, что заливал и чистил каток. Поздно вечером, когда закрывался каток, мы всей семьей: я, папа, мама, мой брат Андрей (и наша маленькая собачка) — вооружались лопатами и с разных сторон начинали чистить каток. Работа, я вам скажу, не из легких, но нам было весело, мы скользили по льду, падали, смеялись, играли в снежки. Потом папа шел в соседний дом, доставал шланг, и мы с братом затевали драку, кто первым будет заливать каток. Эта работа была всем по душе. Но папа нам не очень-то доверял, потому что это не просто, надо, чтобы вода ровно разливалась по льду и не пробивала в нем дырки.

Хотя мы с братом всегда помогали папе следить за катком, сами на нем не катались. Коньки стоили очень дорого, и родители не могли их нам купить. Нам с братом кто-то отдал старые «гаги» — хоккейные коньки, но кататься на них было сложно, не очень удобно, да и некрасиво, когда девочка вместо фигурных белых элегантных коньков корячится на мальчишеских потрёпанных «гагах». Поэтому я и не каталась.

Каждый год на Новый год в ЖЭКе было новогоднее представление. С 5-го класса для наших представлений я сама писала сценарии новогодних сказок. Эта была сборная солянка из представлений, которые я сама когда-то посмотрела. У нас была костюмерная, правда, наряды давно обветшали, но что стоит приклеить мишуру, зашить дырки и вот новенький, с иголочки, костюм готов! Мой папа был всегда Дедом Морозам, а я... вы думаете, что я была Снегурочка, нет. Мне очень хотелось надеть красивое с блестками серебряное платье, белые лаковые сапожки и блестящую алмазами корону. Но чтобы уговорить своих дворовых и школьных друзей участвовать в представлении, я должна была играть самые непрезентабельные роли Бабы Яги, злой колдуньи и вообще всякой нечести и пакости. Вылетать на метле, варить зелье и делать гадости.

Каждый вечер папа открывал актальный зал, и мы начинали репетицию. Мы засиживались до позднего вечера, а потом шли на спортивную площадку при ЖЭКе и катались с горки. Ближе к Новому году папа привозил огромную, до потолка, елку, устанавливал ее в центре зала, и нам, как

участникам и организаторам представления, доверяли ее наряжать.

Если вы никогда не были Дедом Морозом, то не знаете, что малыши стараются заглянуть вам в глаза и дотронуться до вас рукой, чтобы удостовериться, что вы настоящий и рука у вас холодная. А папе так хотелось, чтобы ему поверили: добро всегда побеждает зло, добрые всегда счастливые, а зло будет обязательно наказано. Для этого он клал в рукавички Деда Мороза лед из холодильника, и, когда дети брали его за руку, они восторженно кричали: «Он настоящий! Настоящий!»

К нам на елку приходили малыши с бабушками и мамами всех близлежащих домов. Вход был бесплатным, и наше представление пользовалось большим успехом у малышей и их родителей. После представления мы с малышами водили хороводы вокруг елки, устраивали аттракционы, конкурсы. Победителям давали призы и награды.

Обычно представления шли три дня. Мне очень нравилось время между спектаклями, когда зал пустел, мы убирали фойе, готовились к следующему представлению и обсуждали прошедший спектакль.

Это очень здорово — чувствовать себя волшебником, который может творить чудеса и заставить поверить в сказку. Но мы тоже были детьми, и для нас были подарки. Когда все елки заканчивались, папа открывал комнату, в которой было много игрушек, подарков, и мы могли выбрать сами себе подарок. Тогда мне казалось, что мы очень взрослые, потому что мы знаем, Деда Мороза нет: зато не надо переживать, что Дед Мороз не угадал твоё желание. Взрослые сами себе хозяева и не ждут чудес, а делают их сами.

У Деда Мороза много работы в Новый год, поэтому папа ходил по домам и поздравлял детей. Мой папа — большой сластена. В каждом доме Снегурочке дарили коробку конфет, а папе предлагали выпить. Папа всегда смеялся, почему такая несправедливость, все самое вкусное Снегурочке, а ему — всякая гадость.

Мне было не очень понятно, почему моему папе это все не надоедало, а даже, на-

оборот, нравилось дурачиться, шутить, веселить людей. Когда в новогоднюю ночь били Куранты, звенел звонок в дверь, и к нам приходил Дед Мороз с мешком подарков, конечно, это был папа, и ему было не лень гримироваться, клеить бороду, красить нос. И это все, наверное, для того, чтобы мы верили, что добро побеждает зло.

Но не только из праздников и веселья состояла папина работа. В районе было много неблагополучных семей, заброшенных подростков. Скольких ребят папа спас от колонии, оградил от дурных компаний, скольких отвел от беды. Папа выступал в суде, брал ответственность на себя и всегда сдерживал слово.

Моя мама иногда говорила: «Герман, с тобой невозможно гулять». Представьте себе ситуацию: папа и мама идут по улице, проходят мимо компании молодых шумных людей, и вдруг возглас: «Герману ура!», и звучит троекратное «Ура!». А как бы реагировали вы, если бы это был ваш муж, который годится в отцы этим пацанам. Папу в районе знали все: дедушки и бабушки, папы и мамы и, конечно, молодежь. Известность была и у меня, на меня показывали пальцем и говорили: «Это дочь Германа».

Слава о нашем ЖЭКе гремела на весь Гагаринский район. Как-то папу вызвал к себе парторг и предложил ему стать директором ЖЭКа с одним условием, что папа вступит в КПСС. Папа искренне верил в правое дело коммунизма, но считал, что партия давно не та, что много в ней карьеристов и бюрократов. Поэтому ответил, что либо он разгонит половину, либо выгонят его, что, скорее всего, и получится. Он отказался от предложения. Тогда я не понимала, что за принципы, подумавшись, вступить в КПСС, все так делают, а как иначе — руководящие должности могли занимать только партийные. Поднимай руку на партсобраниях, когда надо, плати взносы, и все. А папа думал иначе, и не только думал, но и жил всегда по совести, честно, не кривя душой. В начале 90-х у всех было оправдание «время такое, все так». А мой папа не такой, как все.

Я стала взрослой, вышла замуж. Мой муж — серьезный человек, у него серьезная ответственная работа, он инженер-строитель, руководитель фирмы. Я работала в детском саду, в котором воспитывались наши сыновья.

Приближался Новый год, детский сад готовился к встрече праздника: спектакль был готов, роли распределены, не было только никого на роль Деда Мороза и задней части лошади. Кто стал задней частью лошади, вы, наверное, догадались. Эта была моя лучшая роль. Тогда мне очень хотелось, чтобы мой муж стал Дедом Морозом для себя, для своих и чужих детей, как когда-то мой папа. Я долго уговаривала его: «Тебя никто не узнает, ты не представляешь, какое это счастье — для кого-то быть волшебником, дарить людям праздник, веселье, слушать малышей, которые тебе читают стихи, заглядывают в глаза и трогают тебя за руку в надежде, что ты настоящий».

Я не рассказала и десятой доли о том, какой он, мой папа. Всего не описать, да и я не писатель. Вы думаете, я хвастаюсь — нет, я горжусь своим отцом. Он несолидный и несерьезный, он не сделал карьеры, он немного наивный и не боится быть смешным. Но он очень добрый, мама зовет его «Чип и Дейл в одном лице», он всегда спешит на помощь, он любит дарить подарки больше, чем получать их, он живет в согласии со своей совестью, так же просто, как дышит.

Меня зовут Елена Германовна, *Германовна*, дочь Германа.